

Портная Шева

Yad vashem

В отдел «Праведники Мира»

Получила Ваше письмо, очень и очень Вам благодарна за ответ, что смогу выразить всю неисчерпаемую дань благодарности спасителям моей жизни, самым благородным и добрым людям: Колчу Феликсу Львовичу и Эмили Базильевне.

С болью в душе и слезами на глазах я всегда вспоминаю всё пережитое мною, как бы мне не было тяжело об этом вспоминать, никогда нельзя забывать, необходимо всё помнить, что произошло в те дни и ночи 1941, 1942 и до 1945 года.

Моя семья жила в г. Винница по ул. Коцюбинского №36: папа — Штильгойз Мойше Шлёмович, мама — Нина Хаскелевна, сестра Дусенька (Ида) 16 лет, окончила 9 классов, перешла в 10-й класс, братик Боренька 8 лет, окончил 1-й класс и перешёл во 2-ой класс и я — Шева, окончила 5-й класс и перешла в 6-ой класс, 11 лет.

Папа работал в Винницком аптекоуправлении, экспедитор, завозил медикаменты, мама Нина была очень красива, окончила гимназию, была дома, воспитывала детей и вела весь дом. С нами жили мамины родители: бабушка Яблочник Хазкель, бабушка Хая — Рива, у них была своя комната в доме. Во дворе был флигель, в котором жила родная единственная мамина сестра Таня (Табл) с мужем Эйных Москальних и трое прекрасных детей: Сашенька, 6 с половиной лет, Полиночка, 5 лет, блондиночка кудрявая с чёрными большими глазками, и маленький Арончик — 9 месяцев. Я всегда любила с ними играть, любила своего братика Бореньку, дружила с ним и с сестричкой Дусей. Училась я в школе хорошо, танцевала украинский танец, мама мне купила большую сорочку украинскую и юбочку пошила гофрированную из украинского красного шерстяного пояса. Украинская сорочка есть и сейчас у меня хранится как реликвия, спасательная сорочка, в которой я проходила всю войну, стирала и снова одевала её, она есть и сейчас у меня. Очень любила помогать маме в уборке дома, всегда вытирала листья вазонов (фикусов), любила играть в куклы, были длинные косы у меня и разных цветов ленты, которые висели в моём отделении в буфете, наглаженные. Читала вместе с мамой книгу «Овод», любила очень Новый год, наряжать ёлку, быть на детских новогодних утренниках у папы на работе. Была красивая добрая семья с любимыми родителями, красавицей мамой Ниной, которые о нас заботились, оберегали, наряжали, и всё это счастливое детство в один миг рухнуло, всё уничтожила чёрная фашистская рука, злодеяниям не было предела.

Уму не постижимо, как могло такое произойти, где был весь мир? Где были люди, чтобы допустить такую трагедию? Я не могла всё это понять. Ещё я очень любила ходить в кино, меня мама водила, и я смотрела такой фильм «Профессор Мамлок», и даже провели на сеанс кинофильма «Маленькая мама» (детей не пу-

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

сками). У нас был патефон и хорошие еврейские пластинки: песни Эпельбаума, пластинки Утёсова и Клавдии Шульженко, вальсы, танго. Моя сестричка Дусенька собиралась дома со своими подружками из класса: Этя Биндер, которая сейчас в Израиле, Ира Гроесман, Фаня Бурман. Они танцевали вместе танго, фокстроты и вальсы. Очень мне нравились фильмы «Искатели счастья» и «Весёлые ребята».

Зловещее 22 июня 1941 года, страшное объявление войны. Мы окончили занятия в школе, каникулы. И вот сразу же призвали на войну дядю Эйныха, он был молодой, а немного позже призвали моего папу, он был старше. Мы остались в доме с мамой и трое детей, тётя Таня и трое маленьких детей, дедушка Хазкель и бабушка Хая — Рива. Что делать? Дедушка старый говорит: «Не хочу ехать, хочу умереть у себя дома». Однако больше мужчин нет, и вынужден взять подводу и лошадь, погрузить кое-что из постели и одежды, кое-какие продукты и посадить маленьких детей на подводу, а старшие пешком за подводой, закрыли дом и поехали на Липовец, Ильинцы. Сразу по дороге нас бомбили, мама в канаве закрывала нас собой, чтобы не ранило, не было еды, не было воды, пили воду там, где поили лошадей. Всю дорогу дедушка плакал: я стар, я изнеможён, что вы хотите от моей жизни? Попросился свернуть с дороги и заехать в село Збараж, и там заночевать, отдохнуть, там живёт мой знакомый рыбак Антон, он нас примет, так и сделали. А наутро мы уже не смогли ехать дальше. Немцы нас догнали, увидели мотоциклы с фашистами, ведь с невероятной скоростью, без боя и сражений они захватывали города и сёла, продвигались вперёд и вперёд, а наши войска отступали, бежали, а кто сдавался в плен, была им чёрная жизнь, нечеловеческие издевательства над пленными, я всё это видела своими глазами.

В селе сразу же собрали народ, объявили, что ни одного еврея не должно быть, кто будет у себя прятать «юден» — расстрел.

Мы тут же покинули село с котомками на плечах, пешком с младенцем на руках ушли в местечко Самгородок, это было недалеко от села, 6-7 км. Всё своё богатство оставили Антону. Пришли к маминой двоюродной сестре Песе, они нас всех приняли. Местечко Самгородок — очень красивая местность, огромный парк в зелени, стоит большая больница, протекает речка, три моста в разные направления, а четвёртое направление ведёт на ж.д. станцию Голендры, ехать нужно на станцию подводой 10-12 км. Самгородок — это родина моих родителей и дяди.

В 1928 году дедушка купил часть фундамента в г. Винница у Гойхмана Лейвсрула и построил дом в Виннице, а затем и флигель во дворе, куда вывез всю свою семью из Самгородка.

В Самгородке остался жить родной брат деда Гершл Яблочник со своей старшей дочерью Песей. Вот мы и пришли к т. Песе Ольгарт. Она была очень красивой и умной женщиной, работала в магазине, муж Шимон Ольгарт был парикмахером. Трое детей: красавица Рива с длинными косами до колен, кончала зуборучебный техникум в Житомире, средняя дочь Нюся — 17 лет и сын Зюня —

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

11 лет. Летом на каникулы мама отправляла меня к ним на поправку, пить парное молоко, есть кремы из желтков, масла, какао и сахара. Няня меня всегда опекала, смотрела за мной. Местечко еврейское, большое, много семей разных профессий: сапожники, шорники, портные и другие жили красиво (была школа десятилетка, двухэтажное здание, где дети учились), по профессии называли каждого плюс имя. Когда мы появились в местечке, а там никто не уезжал, все были на месте. Немцы тут же выбрали председателя общины. Им стал Берл Беренфус. Он отвечал за наличие всех евреев в местечке, никто не имел права никуда уйти. Он же собирал постоянно дань, драгоценности для коменданта со всех семей, чтобы не убивали евреев. Ночью делали облавы, искали молодых девушек, женщин. Моя мама снимала коронки с зубов, ножницами вспорола себе сверху ногу, намочила вату в кровь. Сестрички на ночь прятались на чердаках, было очень страшно, свет не зажигали, однажды зажгли свечу, и маленький Арончик подпрыгивал, радовался, впервые увидевший свет свечи. Но долго нам не пришлось находиться в Самгородке, так как был издан приказ, кто не проживал ранее в Самгородке, убраться на свои места, откуда бежали. Вот все мы должны были пешком идти в Винницу, трое суток мы шли 50 км, останавливались в селе Погребище у одной одинокой крестьянки, переночевали и на рассвете снова шли. Следующая ночёвка была в с.Прыборивка, крайняя хата, хорошие были люди, дядько Сидор, тетка Степанида и трое сыновей: Андрий — 17 лет, Иван — 12 лет и Василь — 7 лет. Покормили, и на рассвете ушли. Пришли в Винницу, дом, где мы жили, был занят, украинцы из сёл приходили, занимали дома, грабили еврейское добро. Пришлось проситься к сестре деда, Мима Гителе Амдур, нас приютили, 10 человек в доме по ул.Некрасова. Всем «юден» нельзя появляться без повязки на рукаве с жёлтой звездой Маген Давид. Детям не одевали повязки, я могла ходить по улице. Сразу же на домах, где жили украинцы, на дверях мелом были нарисованы кресты, так что, где жили евреи, было видно. Был август месяц, и я в ларьке купила полную корзину жёлтых огурцов, подошла к дому и стала у забора. В это время гнали пленных, страшное зрелище, после дождя пили с луж воду, изуродованные, больные, босые, оборванные, тащили друг друга. Я стала бросать им огурцы из корзины, вся колонна навалилась к забору, стрельба, немцы стали бить прикладами. Моя мама схватила меня за шиворот и затащила в дом, мимо пролетела пуля, оглушила ухо. Находиться уже в доме нельзя, в полуразваленном сарае была яма типа погреба, всю неделю сидели в яме: я, сестра, братик и мама, меня искали. Нам пришлось уйти жить к родителям папы: дедушке Шлойма и бабушке Шпрынце. Они были очень старые и немощные, помочь нам не могли, и мы не имели еды. Я стала кормить семью. Мама варила чёрный крем для обуви из сажи и сахара. И я с двумя щётками бегала по улице и кричала: «Пани пуцен», получала пфенниги (или марки и советские деньги), но не всегда платили за работу, могли пихнуть сапогом и не заплатить. Наш город разделяется на две части рекой Южный Буг. В сентябре 9 числа 1941 уже был гром евреев, дошли до Замостья, ямы не были готовы. И так мы ещё прожили до 16 апреля 1942 года. Была тяжёлая зима, все надеялись, что придёт «ишия», из-

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

бавит нас от гибели. У меня был новый заработок. Дедушка и бабушка жили у базара, большая площадь, приезжали с сёл торговать на санях с лошадьми сельяне, и я с двумя вёдрами тащила воду из колодца и подходила. и спрашивала: «Кони напувати?», и мне давали горбушку хлеба и даже кусочек сала. Я приносила домой торбу с хлебом, и мы имели, что кушать. Это был тяжёлый труд. Но я была счастлива тем, что могла помочь маме. Сестричку Дусеньку немцы гнали на работу, очень издевались над ней, она заболела, рожа на ноге. Стояли воинские части: румыны, поляки, мадьяры, у них была другая форма. К походной кухне подойдёшь, нальют похлёбку. Была середина еврейской пасхи, дедушка молился, одевал талес, тфилин на лоб и руку, я видела, но Бог нам не помог.

Объявление: «Всем юдн взять смену белья, на день еду, всем явиться на стадион 16 апреля 1942 года, будут поселены в гетто. Сплошной обман. Была страшная слякоть, дождь со снегом, грязь, чёрные тучи. Из домов всех выгоняли, и огромное человеческое «стадо» гнали на стадион, а это старики, дети, женщины, юноши, девушки, всё еврейское население, которое осталось в городе и не эвакуировалось. Вот в этот момент меня мама взяла за голову и говорит: «Ты с нами не пойдёшь на стадион, если мы будем в гетто, то ты нам бросишь кусок хлеба, вот тебе золотые часики, выменяешь их на хлеб, может, ты выживешь и ещё увидишь папу». Это были последние слова моей мамочки. Не могу выдержать боль, всегда плачу, когда вспоминаю. Я одела свою сорочку вышитую, платок на голову, пришили чёрные пуговицы, получился пиджачок, большие ботинки на ногах, и я осталась брести по улицам дотемна, потемнело, и я ушла из города, 20 км прошла село Тяжелов, Стадницу и ночью пришла в Приборивку. Крайняя хата в селе, вишнёвый садок, пришла к добрым людям: «Дытынко, що втрапилось?» Спрятали на печи, обогрели, наутро дядько Сидор пошёл в город и пришёл с тяжёлой вестью, что всех бросали в ямы живыми, стреляли, всех убили, земля подымалась, три огромных «кагата», каждый длиной 30 м. и шириной 10 м. человеческих жизней. Сейчас там сделана ограда, и стоит гранитный памятник «дерево с обрубленными ветками» с надписью: «Погибли от рук немецко-фашистских захватчиков 16 апреля 1942 года». Приходила всегда на эти страшные могилы и приносила цветы. За что? Безвинные, никому не причинившие зла, светлые, добрые человеческие жизни были уничтожены зверским методом! Где справедливость? Узнал дядько Сидор, что остались в живых человек 20 мужчин, специалистов, для работы, находятся они, вроде, в тюрьме. Находиться у дядьки Сидора нельзя, опасно, узнают соседи, выдадут, и всю семью убьют, надо уходить. И вот тогда я ушла ночью пешком в Самгородок; днём нельзя, кругом полицаи, немцы, сразу попадусь. Днём — в лесу, ночью — в поход.

Дождливым вечером пробралась в дом тётки Песи, всех евреев переселили на одну улицу, назвали «гетто», по 10-15 семей в одном доме, нельзя выходить за пределы улицы, ночью нельзя появляться на улице, стреляют. Днём гонят на работу, как рабов. Босьми ногами по снегу я пришла, мокрая от дождя. Всё узнала тётка Песя, обогрела сироту, пошила мне тапочки, но никто не должен знать,

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

что я есть, все по списку в комендатуре. Весь месяц май 1942 г. я прожила в этом гетто, заставляли долбить ломом засохшую землю, попавшую на мостовую, всех выгоняли на эту работу под страхом полицаев и немцев.

Однажды ночью моя тётя вышла из дома, и ей прострелили бедро правой ноги, она истекала кровью, еле поднялась на четвереньках домой. В парке была больница, главный врач Слободянюк, хороший человек, но ему нельзя было юдн оказывать помощь, к нему приехала в гости из Чернигова сестра, и война её застала в Самгородоке, и вот она пробралась в гетто и сделал всё возможное, вытаскала пулю, обработала рану, лечила. Ей рассказали про меня, я слушала. Она показала тёте Песе свой паспорт, у неё была девочка из приюта, и она умерла, но осталась запись в паспорте, я одним глазом прочла: Стоянчук Надежда Ивановна, 1928 года рождения.

Зловещее утро 4 июня 1942 года, 6 утра, окружили гетто, прибыл карательный отряд, всех из домов гонят, безумие, кто прячется в погреб. Я тут же надела свою сорочку, платочек, на шею крестик, на чёрный ход, получила неожиданно прикладом по голове, покатила по гранитным ступенькам с большой высоты. Очнулась — гонят всех к зданию школы, с двух сторон полицаи. Выхожу из колонны, подхожу к полицая и говорю, я украинка, показываю крестик — «Стый коло мене, жидов побьют, розберёмсь». Стою, всех гонят к зданию школы, сестра Рива увидела меня, кричит на идиш: «Бейт им, эр веет дих уплюзен». Он был её соученик. Я молчу, нет, не обращаю внимания, ведь я сказала, что я украинка, иду в село искать работу. Всех согнали в школу, затем к ямам, снова живыми бросали в ямы, земля сутками подымалась от человеческого дыхания. Меня отвели в полицию, бросили в камеру, там сидел один пленный, ни о чём не говорили. Увидела свои разбитые ноги и руки, вспомнила, что били прикладом, летела по ступеням. Казню себя страшно, зачем затеяла это, теперь будет еще страшнее, будут страшные пытки, почему со всеми не пошла? Раздвигается окошко и решетка в камере, полицай спрашивает: я говорю — я дочка сестры Слободянюка, в паспорте я записана: Слободянюк Надежда Ивановна, 1928 года рождения. Стояла мертвая тишина, каждая минута длилась невероятно долго. Ее вызывают, открывают окошко, она заглянула, что сказала, я не слышала, но я ей крикнула: «Титко, що вы меня не впизнали?» Сейчас думаю, будет очная ставка, открывается дверь камеры, «Иды», «Иды, иды до дому». Нет, не верю своим ушам, огородами, другими дорогами я ушла из местечка, пришла в первое село, люди меня увидели, вопросы: «А що, жидив бьют?» Ответ: «Не знаю, я там не була». Пошла дальше. Снова с. Погреблин, знакомая хата, прошусь на ночь, чтоб соседи не видели, пустила одинокая женщина. На рассвете ушла, снова появилась в с. Приборивка, там переночевала, все боятся, никто не может меня оставить, иначе смерть. Пришла в Винницу, босая, на спине котомка, немцы шарят в корзине, ищут «курка, яйка», ни одного из села не пропускают, забирают сразу яйца, кур и др.

В Виннице узнала, что после погрома 16 апреля оставили несколько мужчин, специалистов, человек 20, живут они в помещении клуба по ул.Ленина, сбитые нары, на которых они спят, забирают их на работу, а потом приводят в это зда-

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

ние. Пришла туда, издалека увидела дядю Ушера Гольдберга, сильный, здоровый кузнец, двоюродный брат моей мамы. Впоследствии он бежал, один русский знал дорогу на территорию румын, он ему заплатил, и благодаря ему он остался жив. Румыны не убивали евреев, там дядя Ушер сошелся с женщиной с мальчиком — Юлик 9 лет. Она была еврейка из Румынии, благодаря ей он смог уехать после окончания войны в Израиль, в Хайфу. Там он долго жил. У него родился сын Моше Гольдберг. Сын Юлик и Моше и сейчас живут в Хайфе со своими семьями. Я с ними встречалась.

Там были еще три родственника: дядя Меир Амдур, его сын Хаим и внук Ривен. Они тоже пытались бежать, но их поймали. Хаима и Ривена повесили на площади 2-го военного городка.

Мне крикнули не появляться и не приближаться никогда, а то сразу убьют. Больше я их не видела. Вот тогда я и пришла к семье Колч. Феликс Львович был бухгалтером в «Гуттранс», где работал мой дед Хаскель. Колч строил дом в Старом городе, дед ему помогал, одолжил деньги. Но тут война, дом не построил, перешел жить в дом по ул. Коцюбинского угол ул. Нансена, евреи эвакуировались из этого дома. У него была молодая жена Миля, мальчик Леня 1,5 года, и в 1942 году родился Валя, ему был 1 месяц, когда я к ним пришла. Зимой, до погрома, Феликс Львович обещал дать дедушке немного овощей (картофель, свеклу, морковь), я с тетей Таней пошла и на саночках привезли овощи, вот так я узнала, где живет семья Колч. Я вошла в дом, сильно кричал ребеночек, разрывался, хотел есть, мама Эмилия Васильевна лежала на постели, не двигалась, у нее была закупорка вен после родов, Леничке 1,5 года, ходил по квартире, Феликса Львовича не было дома. Я взяла ребеночка на руки, сделала сладкую водичку, дала попить, а Миля Баз плачет и проклиняет, зачем он родился, война, я больна, я не могу ничего сделать. Вот так я осталась в доме с больной Милей, малолетним Леней и месячным ребеночком Валечкой, которого я вынянчила, выходила, кормила молочком, ходила к реке, на лодке привозили мне молоко, и я кормила Валечку. Мой мальчик стал поправляться и выжил, а Миля Баз долго еще была прикована к постели. Я все помогала по дому, нянчила Валечку и старшенького Леничку.

В селе Холоневск Хмельницкого района жила старенькая мама Эмилии Баз. Всем соседям, знакомым говорили, что «родичка из села, буде глядиты дитей, я уже слаба, зовут ее Надька». Все знали, что я Надька из села, где я жила.

Очень много страшных дней и ночей было с июля 1942 года по март 1944 года. У Феликса Львовича были две взрослые дочери от первой жены, которая умерла до войны. Он женился на молодой Миле, которая ушла от мужа, так как у них не было детей. До войны Феликс и Миля поженились, у них родился сын Леня, а потом сын Валя, о которых я уже рассказала. Старшая дочь Галка, так ее звали, была одного возраста с Милей Баз. Галка любила пить, гулять, была ужасно безалаберная особа. Она заняла еврейскую квартиру рядом на 2-м этаже со всем добром. Часто там гуляли, выпивали немцы. Второй этаж, дверь на балкон, а балкона не было, выпивший немец открыл дверь и вывалился, убил на

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

смерть. Была страшная ночь, весь квартал был окружен, всем предстояла смерть за убитого фашиста. Галке удалось бежать и скрыться. Но Бог миловал, и нас не убили. Галка гуляла и с партизанами, которые приходили на задание. Ее я часто боялась, чтобы она спьяна меня не выдала. Она говорила отцу: «Батько, настругав з Милею дитей, держиш жиденя, ой всих вас побьютъ», а он закрывал ей рот и говорил: «Дивись, Галка, закрой рота, мовчи и никому николи ничего не говори». Но Галка меня не выдала, ей уже было не до меня.

Когда освободили Винницу, Галку забрали и посадили в НКВД. Одна еврейка Маня на нее заявила, что она грабила и выдавала евреев. Я Галку спасла, меня вызвали в НКВД, я сказала, что я еврейка, жила у ее родителей, осталась жива, и она меня не выдала немцам. Так что вопрос о том, что выдавала евреев, отпал и ее освободили. Эта Маня готова была меня уничтожить, почему я пошла защищать Галку. Правда есть правда! Иначе не могло и быть.

Младшая дочь Ира — 20 лет, назвала себя Ирмой, уехала в Германию, когда вербовали и гнали молодежь в Германию, 1942 год, так что со стороны Иры тоже отпала опасность. Она жива осталась, живет в Польше, имеет семью, с Милей и сводными братьями не хочет общаться.

О Галке знаю, что жила в Средней Азии, сейчас ли жива, не знаю, и Миля тоже ничего не знает о ней.

У меня были длинные черные косы и черные брови. Косы были всегда спрятаны под белый платочек, не было видно волос, а брови я выстригла ножницами, когда Миля увидела, она стонала: «Ой, дитинко, що ти наробила?» Носила довгу спидницю и крестик. У меня на голове образовались страшные струпы, прыщи. Миля меня вылечила, мыли волосы керосином, мыла не было.

Каждую ночь в доме ночевали немцы, они боялись спать в казармах, их повсюду преследовали партизаны, и они их боялись, как огня, а на квартирах они были обеспечены, что партизаны на них не нападут.

Феликс Львович работал на Винницком спиртзаводе. Получал паек — буханку хлеба. Одно название хлеб, немцы его делали из просяной муки, ячменной муки с устюками плюс тырса (древесные опилки). Есть его невозможно было. Ведь все рабы, а они высшая раса. Феликс Львович ездил в лес на подводе, завозил дрова на завод. Привозил оружие в лес для партизан, было очень опасно, рисковал жизнью своей и всех. В доме, где мы жили, был подвал, там хранили дрова на зиму, среди дров тоже были спрятаны револьверы.

На улице Нансена, напротив нашего дома, был музей Коцюбинского и детская библиотека им. Крупской. В одно утро я увидела, как жгли книги из библиотеки. Раскрыли подпольную организацию Ивана Бевза, многих поймали, виновных и невиновных забрали в гестапо, страшно пытали, из гестапо уже никто никогда не возвращался обратно живым. До событий с убийством немца, упавшего со 2-го этажа, Галку тоже взяли в гестапо, но ей удалось уйти, так мы и не знали и не знаем до сих пор, каким образом?

Угловой дом на ступеньках с парадным и чёрным ходом, который выходил во двор. Дом, где мы жили, имел 4 квартиры. В одной квартире сосед был

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

страшный убийца, националист, «западенец», начальник тюрьмы, женат был на молодой женщине немецкой национальности, её сестра Ася с маленьким ребёнком жили в роскоши, награбленного хватало на всех. У них была прислуга Паша (Пестилия). Паша знала, что я еврейка, она хранила тайну, потом она ушла от них, вышла замуж за пленного Ивана. А вся семейка, которая была счастлива при немцах, вскоре бежала без оглядки из Винницы, когда раздавались слухи о наступлении советских войск. Кончилось время отступлений без боя, когда без единого выстрела оставляли города и сёла и немцы продвигались вперёд без сражений, захватили всю Украину, дошли до Москвы. Муки и страдания, сжигали целые сёла, уничтожали народ.

Винница была на особом положении, в центре по ул.Ленина всем запрещалось ходить, там была жандармерия, гестапо, эсэсовцы. Возле с.Стрижавка находилась ставка Гитлера, всё охранялось, по ул. Киевской нельзя появляться, дубинки, обходили разными дальними улицами, чтоб не попадаться на глаза. Частые облавы. Кругом и повсюду плакаты «Юдн капут», «Сталин капут». На плакатах нарисованы евреи в ермолке, с пейсами и шестиконечной звездой. У всех фашистов были ремни и железная пряжка, на которой было написано «Гот из мит унз». Ужасно, кто верил в Бога и всех убивал без оглядки? Самые страшные были душегубы, головорезы эсэсовцы, гестаповцы, у них на груди были железные «бляхи» с немецким орлом, а у эсэсовцев были чёрная форма и на фуражке череп, на петлицах череп, кругом красные флаги с чёрной свастикой, фашистским знаком.

Больше всего я находилась в доме с детьми, очень редко меня куда-нибудь посылали, только ходила поутру к реке, где жили люди, у которых была корова, которую ещё не забрали. Они жили по ту сторону реки, и на лодке мне привозили бутылку молока для Валечки. Там, где я жила, я никогда не появлялась, чтобы меня не узнали, обходиладесятьюми улицами. Постоянные ночёвки немцев в доме давали мне кое-какие сведения, я немного понимала по-немецки. Начался 1943 год, Москву не отдали, начались наступления, отстояли Сталинград, уже зарождалась надежда, что ещё существует советская власть. Чем хуже становилось у немцев на фронтах, тем хуже было нам находиться на оккупированной территории.

Однажды вечером в мороз выгнали Эмилию Баз, раздетую, под дулом пистолета у виска, пинками гнали её немцы по улице, требовали, чтобы она показала, где партизаны. Мы плакали, дети кричали, ноль внимания, поиздевались очень сильно над ней, но потом её отпустили. Она долгое время не могла прийти в себя, всё время ей мерещилось, что её убьют.

1944 год, появляется часть немцев, ободранные, раненые, уже нет той власти победителей. Но ещё страшнее издеваются над народом. На душе радостно, какая-то надежда, авось, останусь в живых. Январь, февраль, март 1944 отступают немцы, не может быть, не верим ещё. И вот в марте 1944 года в последнюю минуту, меня чуть не убили. Отступали казаки, продажные предатели на лошадях боялись прихода советской власти. Один здоровый казак вошёл в дом, у меня вышла

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

маленькая прядь чёрных волос, увидел меня, кричит «Жидивка!», сколько Миля ему не говорит, что я её дочка, что у неё тоже тёмные волосы, ни во что не верит, убью и всё. Захотел стол. Миля отдала ему стол, я — за Валечку, на руки взяла его и чёрным ходом ушла из дома, пока казак-убийца вытаскивал стол из дома.

Вот как было плачевно, больно, всю войну пережила, а в последнюю минуту смерть. Дома я уже не ночевала, пару дней спала у соседей, которые жили возле бани по ул.Нанина. Радовалась я уже в марте, в третьей декаде, когда немцы стали всё поджигать. Недалеко от нашего дома была швейная фабрика, её первую подожгли, затем напротив две двухэтажные школы, одна была на русском языке, а вторая на украинском. Подожгли школы, вокзал, всё кругом горело, это был конец фашизму, отступали. Взорвали два моста через Буг, которые соединяли центр города и замостье. Немцы заняли центр, там была электростанция, они там засели на высоте, а мы жили на замостье, один квартал от мостов. Три дня шёл бой, мы сидели с детьми в подвале, мы были на передовой, кругом рвутся снаряды, снесло крышу дома, все стёкла повывлетали. Дети хотят пить, я вышла из подвала наверх в дом набрать воды, увидела страшные картины, лежат раненые, убитые на мостовой, кругом земля, стёкла, жёсть, всё валяется на улице. Набрала воды, выхожу из двери, пролетела граната, меня волной бросило обратно в дом, снова чуть не погибла. Больше меня не посылали ни за чем.

Кончились страдания, я жива. Благодаря Феликсу Львовичу, Эмили Базильевне, Леонарду, Валентину. Огромная честь и слава им, моим родным, дорогим спасителям. Нет цены за услуги, нет более благородных и сильных людей, чем они.

Феликса Львовича Колча уже нет в живых, он умер. Он был старше Эмили Базильевны на 20 лет. Эмилия Базильевна Колч жива, ей 83 года. С ней живет старший сын Леонард Феликсович Колч с семьей. Мой родной Валечка живет тоже в Виннице.

Получаю письма, очень теплые, родные. Валентин поздравил меня с 50-летием Победы, с праздником Рош Хашана. Эмилия Базильевна очень рада моим письмам, часто рассказывает Валентину и Леонарду о том страшном времени, о черных тучах, о смерти, о гибели тысяч безвинных людей.

Шла еще война, ночью еще бомбили, но я не боялась, мне не было страшно, и я не пряталась в укрытие. Я дожила до Великой Победы 1945 года. Несколько слов о моей дальнейшей судьбе.

Пошла жить в свой дом, где мы жили с родителями по ул.Коцюбинского 36, восстановила свою метрику, получила свидетельство о рождении. В июне 1944 года, пошла учиться в школу, в 6-й класс железнодорожной школы № 13. Окончила 7 классов, а затем 10 классов на отлично. Поступила в Одесский технологический институт, окончила в 1954 году по специальности инженер-технолог. Проработала 30 лет в Винницком областном управлении хлебопродуктов ст.инженером. На 5-м курсе института вышла замуж. Муж Портной Роман Михайлович. У меня двое детей: дочь Нина, 1955 г.рождения, и сын Игорь. 1957 года рождения, четверо внуков. Живу в Ашдоде.

После войны в 1945 году вернулся мой отец Штильгойз Моисей Шлемович с

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

наградами и ранениями, умер в 1957 году. Вернулся дядя Эйных Москальних — остался живой, умер в 1981 году. Если интересно знать о моей жизни с 1944 года, напишите, я изложу более подробно.

Все изложенное мною далось мне очень тяжело, снова слезы на глазах, боль в груди и печаль. Все время нахожусь под впечатлением пережитого.

Прошу меня извинить за некоторые фразы, может, не так понятно, если есть еще вопросы, я отвечу вам.

**С глубоким уважением
Портная (Штильгойз) Шева Моисеевна.**

P.S. Не позабыть рассказать. Еще хочу рассказать о том, как украинцы встречали немцев с хлебом и солью, хотели новую власть, радовались немцам и пресмыкались перед ними. Нанимались на службу к немцам, становились полициями, черная форма, трезубец на шапке, повязка на рукаве, желтая и голубая полоска. Это были предатели, служили немцам, убивали, выдавали евреев, это были страшные звери, вот их особенно боялась я, чтоб не попадаться на их пути, они прислуживали и выслуживались перед фашистами. В селах были старосты выбраны, которые отвечали за людей в селах, кто был надежным, а кто — нет. Знали каждую хату, где комсомольцы, где коммунисты. Полиции были зловещие, хуже фашистов, они убивали, грабили, стреляли, выдавали всех, их очень боялись все, у них было оружие, они раскрывали подозрительных, искали партизан. Конец у них был по заслугам, они бежали с немцами, но фашисты их не признавали, гнали, им бы самим спасти «шкуру». Вот они разбрелись по Союзу, потом их находили, судили и сажали в тюрьмы.

Еще один эпизод. Немцы покончили с евреями, но убивали коммунистов, комсомольцев, руководящих работников советской власти, их пытали, вешали, убивали. Громогласно повсюду орали: «Сталин капут!», «Советам капут!», «Коммунистам капут!». Что они уже взяли Москву и завоюют весь Советский Союз, всю Россию. И вот в центральном парке им. Горького были сделаны раскопки пленными солдатами, и было обнаружено огромное количество трупов, пересыпанных каким-то белым порошком, не то известью, не то мелом. Это были люди, которые сидели в тюрьмах в 1937 году, и их убили. Вот здесь были во всю показаны злодеяния Сталина, а немцы распинались и всему народу показывали, что делала советская власть. А еще в здании «Савойя», в витринах были выложены документы убитых, где роem, летали черно-синие огромные мухи, ибо документы с фотографиями были изъяты у трупов, которые еще не успели разложиться. Я пошла посмотреть эту витрину. На место раскопки указал тюремный надзиратель. Насколько этому можно было верить, не знала, но теперь я верю в это.

Еще должна рассказать об освобождении г. Винницы от оккупантов. Было 26 марта 1944 года. Все встречали советских солдат, обнимались, целовались, были благодарны освободителям от немецкого ига. Первые войска, которые вошли в город, были штрафные роты, затем регулярные войска. Сбили пустые железные бочки и сделали переправу через Буг, чтобы перебраться в центр города. Сразу

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

же прибыли железнодорожники. Бригада железнодорожников ходила по еврейским квартирам, требовала освободить тех, кто бесправно занял их. Вот и к нам пришла бригада, там был один железнодорожник по фамилии Жовтис, я ему рассказала, кто я. Он меня взял и повел в мой дом. Комнату, где жили бабушка с бабушкой, заняла домработница соседей. В комнате все было дедушкино. Ей дали 24 часа освободить комнату и не трогать имущество. Она оставила мебель и постель, остальное забрала себе. Мне отдали ключ от комнаты, и я там поселилась одна.

Железнодорожники готовили жилье для своих работников и их семей. Управление Юго-Западной железной дороги было в Виннице. Самое главное была железная дорога. Эшелоны за эшелонами шли на запад. Однажды в мае 1944 г. меня разыскивал один родственник. Я пришла на станцию, он меня обнимал, целовал, говорил, что он дядя Туна, папин двоюродный брат, но я забыла его, забыла еврейский язык, только говорила по-украински. Потом все вернулось. Он отправился через 10 минут на фронт, больше он не вернулся, он погиб.

Как жила? Приходила к своим мальчикам. Искала, как заработать на еду. Продавала конфеты, которые мне давали за 80 руб. — 100 штук, а я продавала на базаре по 1 руб. за штуку. Вот я и зарабатывала 20 руб. Мне хватало купить зеленый щавель и картошку. Дальше я начала писать письма, разыскала своего папочку, он был жив, ранен, контужен, осколки в ногах, так бедненький и умер с осколками в ногах. Узнав о гибели мамы, сестрички и братика, он ужасно переживал, порвал на себе рубашку, страшно горевал, очень много страдал, потеря самых родных, любимых и близких, была трагедией всей его дальнейшей жизни. После окончания войны, демобилизовался в 1945 году, вернулся домой, встреча была неопишима, слезы радости и печали, как же могло случиться, что вы не уехали? Как же их убили? За что? Трагедия, невозвратимая потеря, только огромные могилы, куда мы пошли с папой, и часто их посещали.

Еще была война, но я пошла в школу, при вокзале было одноэтажное здание по ул. Кирова, железнодорожная школа № 13, пошла в 6-й класс, писали на газетах, получали тонкий, прозрачный черный кусочек хлеба и конфетки — 2 горошки. Я была старостой класса с 6 по 10-й класс. Нашу школу немцы сожгли, а потом пленные немцы ее восстановили, и в 7-м классе я уже училась в новой школе. Получила карточку с талонами на хлеб. Моя учительница математики была классной руководительницей до 10 класса — Лидия Николаевна Богомольная. Училась я очень хорошо. Днем вела все работы по дому, ухаживала за папой и дядей Эйншхом, готовила, стирала, убирала, а вечером садилась за уроки, затем дядя женился и ушел к жене жить. Мы остались с папой вдвоем. В 1949 году я закончила 10 классов, получила аттестат зрелости. Уехала в Одессу, поступила в технологический институт, который успешно закончила, получила специальность инженера-технолога.

Р.С. Еще хочу добавить, что повсюду с самого начала, только немцы кричали: «Юдн капут», «Фарфлюхте юдн». Кругом висели плакаты и объявления. На ук-

НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ

раинцев кричали: «Руссише швайн». До половины 1942 года повсюду были истреблены, уничтожены евреи.

Когда пришла долгожданная Победа, вот тогда лишь я почувствовала неутолимую боль, невозвратимые потери. Мне было очень тяжело, почему мои самые родные и близкие не дожили до этого дня. Страшные страдания, сердечная боль, невозможно все это передать. Боль потери осталась на всю жизнь. Я росла не по возрасту серьезная, все делала сама, в каждом моем житие мне постоянно не хватало моей любимой мамочки, не было ласки, тепла, заботы, все пришлось пережить. Часто меня обижали, несправедливо относились к сироте. Неоткуда было ждать помощи, всего приходилось добиваться своим трудом. Я много страдала, и печаль моя осталась на всю жизнь.

Прошу помянуть моих родных и двоюродных сестричек и братиков: Дусю, Бору, Сашу, Полину, Арончика.

Пьянина Сарра

Родилась в 1926 году в деревне Телуша Бобруйского района Могилевской области, и в годы Великой Отечественной войны находилась на оккупированной территории Телушского сельского совета с 1941 по 1944 годы.

На момент войны наша семья состояла из 7 детей и родителей. Четверо взрослых братьев сразу ушли в партизанский отряд, затем ушли родители в партизаны, взяв с собой 5-ти летнюю сестру Любу, а мне поручили помогать сестре Рахеле, т.к. у нее на руках было 3-е малых детей, а мне было 15 лет.

Когда пришли немцы в деревню, им тут же показали, где живут евреи, и мою сестру с семьей вывели на расстрел — в тот момент меня не было дома. Увидев это со стороны, я тихонько подошла к тому месту, где стояла сестра с детьми, и, взяв за руку ее дочку 4-х лет, бросилась убежать в лес. Немцы это видели, но не стали стрелять в детей, а сестру с детьми убили. Таким образом, я осталась в 15 лет с ребенком на руках. Ходили по домам — я помогала людям работать по домашнему хозяйству, за это они нас прятали и немного кормили. Вот так чудом и выжили.

В 1995 году, когда я решила уехать в Израиль — мои взрослые дети завезли меня в те деревни, где я прошла войну, на то время были живы еще 3 бабушки, которые прятали меня и узнали. Это было очень трогательно и больно вспоминать те жуткие годы.